

Серия «История»
2026. Т. 57. С. 6–13
Онлайн-доступ к журналу:
<http://izvestiahist.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 94(571.53).07
<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2026.57.6>

Административный фактор и его значение в истории Иркутска эпохи империи (XIX–XX вв.)

Л. М. Дамешек*

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация. Анализируется значение административного фактора в истории становления и развития Иркутска от его возникновения и до превращения в административный и политический центр Сибири в целом. Отмечается, что этому способствовали выгодное географическое положение города, наличие и взаимодействие в городе трех уровней власти – генерал-губернатора, губернатора и Иркутской епархии Русской православной церкви, что породило большое скопление чиновников в городе, нередко с высшим образованием, появление губернской печати. Приводятся высказывания об Иркутске и городах Сибири известных общественных деятелей и литературы Сибири и России в целом.

Ключевые слова: империя, Сибирь, Иркутск, управление, административный фактор, история, значение.

Для цитирования: Дамешек Л. М. Административный фактор и его значение в истории Иркутска эпохи империи (XIX–XX вв.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2026. Т. 57. С. 6–13. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2026.57.6>

Original article

The Administrative Factor and Its Significance in the History of Irkutsk During the Imperial Era (19th–20th Centuries)

L. M. Dameshek*

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. This article analyzes the significance of the administrative factor in the history of Irkutsk's formation and development—from its inception to its emergence as the administrative and political center of Siberia as a whole. Key contributing factors included the city's advantageous geographical location and the presence and interaction of three levels of authority—the Governor-General, the Governor, and the Irkutsk Diocese of the Russian Orthodox Church. This dynamic led to a high concentration of officials in the city—many of whom held university degrees—and the establishment of a provincial press. The article also presents observations regarding Irkutsk and other Siberian cities made by prominent public figures and literary figures from both Siberia and Russia at large.

Keywords: Empire, Siberia, Irkutsk, governance, administrative factor, history, significance.

For citation: Dameshek L.M. The Administrative Factor and Its Significance in the History of Irkutsk During the Imperial Era (19th–20th Centuries). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2026, vol. 57, pp. 6–13. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2026.57.6> (in Russian)

Одной из важных исторических особенностей России был фактор огромности ее территории. Начавшийся в середине XVI в. с завоевания Казани «бросок России на восток» получил логическое продолжение в последующий период российской истории. Одной из величайших территорий, которую когда-либо осваивал человек за весь период своего существования, стала Сибирь. Процесс освоения сопровождался колоссальными усилиями русского народа и имел длительную историческую перспективу.

«Оцентрирование» границ империи завершилось во второй половине XIX в. В итоге было сформировано огромное государство, раскинувшееся на территории двух материков – Европы и Азии, от Балтийского моря на западе и до Тихого океана на востоке. В результате активной внешней политики к началу XIX в. Российская империя заняла одну шестую часть суши и подчинила себе целый ряд территорий и народов. Народное движение на восток, известное в литературе вопроса как «сибирское взятие», первоначально в районы Западной Сибири, сопровождалось основанием целой серии острогов (Берёзов – 1593 г., Тюмень – 1586 г., Тобольск – 1597 г., Туринск – 1600 г., Томск – 1604 г. и др.), довольно скоро превратившихся в города и ставших своего рода плацдармом для дальнейшего продвижения русских в Восточную Сибирь. Хронологически движение русских землепроходцев «за каменъ» совпало с продвижением отрядов англосаксов на Североамериканском континенте. Однако характер, методы, цели этих походов были различны.

В России, где государственная власть традиционно играла весьма существенную роль в жизни общества, правительственные указы и инструкции решительно требовали не допускать столкновения колонистов и аборигенов из-за территории, тем самым создавая благоприятные условия для земледельческого освоения новых земель. Решающим фактором дальнейшего продвижения русских в глубь неведомой территории в Прибайкалье стало основание в 1619 г. Енисейского острога, Красноярского – в 1628 г., в 1630 г. – Никольского, позже переименованного в Киренск, а в 1652 г. – Нижнеудинского острогов, позволивших землепроходцам проложить иной, более доступный и удобный путь в Прибайкалье. Решающую роль в закреплении Прибайкалья в составе России сыграла постройка в 1654 г. Балаганского острога. Именно после этих событий начинается колонизация территории Прибайкалья, вошедшей в источники того времени как «земля братьев». Что же касается Иркутска, будущего административного, несомненно, политического и социокультурного центра Восточной Сибири и Забайкалья, то согласно официальным данным, отложившимся в материалах РГАДА, острог был заложен в «шестой день» июля 1661 г. «против Иркуты реки» 1661 г. [3, с. 150]. Удобное географическое положение – пересечение торгово-промысловых путей, наличие доступных промысловых угодий, близость Забайкалья и сопредельных с ним Монголии и Китая – способствовали быстрому экономическому развитию Иркутска, росту населения и упрочению его статуса как административного центра региона.

Уже в середине 70-х гг. XVII в. в Иркутске, по свидетельству известного дипломата и путешественника Я. Г. Спафария, насчитывалось не менее 40 жилых домов. Спустя два десятка лет после основания Иркутск становится центром самостоятельного уезда, в 1682 г. он был преобразован в город как центр воеводства, а в 1731 г. становится центром Иркутской провинции. В 1764 г. в связи с указом Екатерины II об образовании Сибирского царства, в составе которого была открыта Иркутская губерния, Иркутск становится губернским центром¹. Однако с учетом огромных расстояний между столицей и окраинными территориями, иркутскому и колыванскому генерал-губернатору И. В. Якоби из-за отдаленности было разрешено присылать эти донесения через курьеров, на что из казны выделялась немалая по тем временам сумма – 15 тыс. руб. в год². Существенную роль в становлении Иркутска как административного и политического центра огромного региона сыграл указ Екатерины II от 6 марта 1783 г. об образовании Иркутского и Колыванского наместничеств. Это явилось результатом реализации одного из важнейших законов Екатерины в области внутренней политики – Учреждения для управления губерний Всероссийской империи 1775 г. Страна делилась на губернии численностью населения 300–400 тыс. человек, всего в России было образовано 18 губерний. Они объединялись во вновь образованные крупные административные единицы, ранее не существовавшие в империи – наместничества. В состав каждого наместничества входило по 2–3 губернии. Во главе наместничества находился наместник, или генерал-губернатор, которому подчинялись все подведомственные учреждения губерний, входившие в состав наместничества. Генерал-губернаторы сосредотачивали в своих руках всю полноту и широкий спектр властных полномочий в подведомственном наместничестве. Учитывая сложную географическую конфигурацию империи, ее соседство подчас с недружественными странами, Екатерина подчеркивала особую ответственность генерал-губернаторов пограничных территорий, которым, наряду с прочими обязанностями, поручалось еще и «бдение от соседей». Вот так возникли Иркутское и Колыванское наместничества с центром в Иркутске. Границы нового территориального образования простирались от берегов Енисея до Тихого океана включительно, а сам административный центр наместничества довольно скоро превратился в крупнейший город за Уралом с численностью населения к моменту отмены крепостного права в 1861 г. почти в 30 тыс. человек, а к началу в. XX в. – свыше 90 тыс.

Значение Иркутска как центра принципиально значимых инициатив государства в плане преобразований восточных территорий империи особенно рельефно стало проявляться уже в начале XIX в. и связано со вступлением на императорский трон Александра I и назначением нового генерал-губернатора И. И. Селифонтова. В итоге административных преобразований И. И. Селифонтова было образовано единое Сибирское генерал-губернаторство с центром в Иркутске. Уже в это время важной особенно-

¹ Полное собрание законов Российской империи. Далее ПСЗ -I. Т.16. № 12269.

² Там же, № 15734, 15821

стью Иркутска как административного центра стало наличие в городе властей трех уровней – генерал-губернаторской, губернаторской и Иркутской епархии Русской православной церкви. Эта особенность сохранялась в Иркутске вплоть до 1917 г. Не только соседство, но и сотрудничество высшей светской и духовной власти на огромной территории в глазах современников придавало Иркутску особый статус. Расширение полномочий Иркутска как административного центра сопровождалось появлением в городе соответствующих административных структур – региональных представительств центральных ведомств империи – министерств внутренних дел, финансов, государственных имуществ и др. Эти властные региональные органы, укомплектованные в большинстве своем лицами дворянского происхождения подчас с высшим университетским образованием, в глазах современников придавали Иркутску особый ореол как административного центра. Удельный вес дворянства среди городского населения в Иркутске был гораздо выше, чем в остальных губернских и областных центрах Сибири. Один из лидеров сибирского областничества Г. Н. Потанин, человек, которого никак нельзя заподозрить в намерении сгустить краски, по этому поводу замечал: «Ни один город в Сибири не был поставлен в такие условия, как Иркутск; ни в Томске, ни в Омске не было такого хорошего подбора чиновников...» [3, с. 150]. Аналогичные свидетельства об Иркутске второй половины XIX в. оставил и А. П. Чехов, посетивший Иркутск во время своего известного путешествия на о. Сахалин и остановившийся в гостинце «Амурское подворье», в самом центре Иркутска. В письме к брату Александру от 5 июня 1890 г. он писал: «Из всех сибирских городов самый лучший Иркутск. Томск и гроша медного не стоит...» [4, с. 444]. В письме к матери от 6 июня того же года Чехов дал такую оценку Иркутску: «Иркутск превосходный город. Совсем интеллигентный. Театр, музей, городской сад с музыкой... Он лучше Екатеринбурга и Томска. Совсем Европа» [Там же, с. 447–448].

В эпоху Екатерины II все генерал-губернаторы обязаны были ежегодно лично докладывать императрице о состоянии дел во вверенных их управлению губерниях. Однако с учетом огромных расстояний между столицей и окраинными территориями иркутскому и колыванскому генерал-губернатору И. В. Якоби из-за отдаленности было разрешено присылать эти донесения через курьеров, на что из казны выделялась немалая по тем временам сумма – 15 тыс. руб. в год³. Тогда же было утверждено штатное расписание нового наместничества. Оно отражало сибирскую специфику. К примеру, значительно более высокое, чем в Европейской России, было назначено жалование лекарям и докторам, дабы привлечь их на службу в отдаленную Сибирь. Важной особенностью Иркутского наместничества в связи с его приграничным положением было сохранение канцелярии «пограничных дел». Это решение отражало традиционное внимание императрицы к положению окраин в составе империи [2, с. 587–592].

³ ПСЗ-1. Т.17. № 15734, 15821

Сам же новый генерал-губернатор И. В. Якоби до назначения на новый пост уже был хорошо знаком с Сибирью, так как до этого более 20 лет прослужил в забайкальском Селенгинске, где его отец занимал должность пограничного комиссара. Якоби не протяжении первых лет правления неоднократно объезжал вверенную его управлению огромную территорию наместничеств, в котором одна Иркутская губерния занимала площадь в 4 500 000 кв. верст с населением 206 107 душ мужского пола [1, с. 310]. Значительного внимания Якоби требовали и обязанности по «пограничным делам», прежде всего по взаимоотношениям с сопредельными странами, из которых наиболее значимым был Китай. Для этого было необходимо обладать завидным дипломатическим искусством, тактом и знаниями. По «наследству» они перешли к преемникам Якоби на посту генерал-губернатора, из которых на первое место, безусловно, следует поставить Н. Н. Муравьева (с 1858 г. графа Амурского), которому именным указом Николая I от 1854 г. были предоставлены дипломатические полномочия по самостоятельному ведению переговоров с Китаем. Заметим, что уже начиная с 60-х г. XIX в. требование правительства к генерал-губернаторам Азиатской России обладать пусть даже небольшим дипломатическим опытом становится традиционным.

Упрочению положения Иркутска как административного и политического центра не только Сибири, но и Азиатской России в целом в значительной степени способствовали административные реформы выдающегося государственного деятеля императорской России М. М. Сперанского 1822 г., разработанные именно в Иркутске и действующие без существенных изменений вплоть до начала XX в. Комплекс реформ Сперанского в Сибири насчитывал и свыше 4 тыс. параграфов. Отныне Иркутск становился не только опорным центром проведения этих преобразований, но и методологической базой в масштабах всей Сибири. К вышесказанному следует добавить, что существенное значение для упрочения статуса Иркутска как административного и политического центра региона оказало начало выхода первой газеты в Восточной Сибири «Иркутские губернские ведомости» в 1857 г. Еще в XVIII в. в Иркутске появились первые типографии. Однако в новую эпоху при активной поддержке генерал-губернатора Н. Н. Муравьева газета быстро приобрела популярность не только в Иркутске, но и за его пределами. Газета, редактором которой был назначен ссыльный петрашевец Р. П. Спешнев, оказывала существенную поддержку начинаниям Н. Н. Муравьева. В тандеме с ней в известной мере работала и первая частная газета Сибири «Амур», также издававшаяся в Иркутске в 1860–1862 гг. под редакцией известного общественного деятеля Сибири М. В. Загоскина.

После отставки в 1861 г. Н. Н. Муравьева и последующими вслед за этим административными преобразованиями в Азиатской России Иркутск оставался единственным административным центром Зауралья, где генерал-губернаторская власть существовала с момента реформ Сперанского 1822 г. и до крушения Российской империи в 1917 г. Именно в Иркутске и при непосредственном участии иркутских властей и купцов были осуществлены

знаменитые амурские сплавы Н. Н. Муравьева, итогом которых стало присоединение Дальнего Востока к России, образована Забайкальская область – форпост продвижения России к Тихому океану, разработано и введено в практику известное положение о «ламайском» духовенстве, заложившее основу взаимоотношений православной и буддийской церквей, выработаны пути и методы развития русско-китайских торговых связей и отношений.

За 95 лет существования генерал-губернаторской власти в Восточной Сибири и непосредственно Иркутске как административном центре генерал-губернаторства, на должности «главного начальника края», как в третьем лице обычно называли генерал-губернатора, побывало 19 чел. Средний срок пребывания на должности генерал-губернатора составлял около 6 лет. Этот показатель вполне сопоставим с другими генерал-губернаторствами Азиатской России. Обращают на себя внимание личности, которые возглавляли «вверенные» им генерал-губернаторства по 10 и более лет. В Восточной Сибири ими были А. С. Лавинский, В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев, М. С. Корсаков и А. Д. Горемыкин. Характерное для правительства стремление менять губернаторов в годы кризисных народных волнений и революционных событий не прослеживается на уровне генерал-губернаторов. Наоборот, в годы острых общественно-политических кризисов, например 1879–1881, 1905–1907, в России учреждаются временные генерал-губернаторства с весьма широкими полномочиями их главных начальников. Иными словами, генерал-губернаторское правление на окраинах империи выглядело весьма стабильным.

Генерал-губернаторы Сибири не только формально, но и на деле были верхушкой местной правящей бюрократии. Все генерал-губернаторы, за исключением трех, были военными в чине генерал-лейтенанта или полного генерала, что соответствовало 3-му и 2-му классу Табели о рангах. Таким образом, сибирские генерал-губернаторы на деле принадлежали к верхушке правящей бюрократии не только Сибири, но и России в целом. По возрасту на момент назначения они распределялись следующим образом: от 35 до 40 лет – двое, от 40 до 50 лет – шестеро, от 50 до 60 – девять и старше 60 лет – трое. Средний возраст генерал-губернаторов в Восточной Сибири составлял 43 года. Для большинства генерал-губернаторов после отставки следовало назначение в Государственный совет – 9 человек, Сенат – 3 человека, иные почетные комитеты. Никто из генерал-губернаторов, за исключением Руперта, не был отдан под суд или отстранен от должности за служебные упущения. Сибирские генерал-губернаторы, особенно первой половины XIX в., отнюдь не были паркетными генералами. Как правило, они принимали участие в военных кампаниях России того времени. Активным участником войны с наполеоновским нашествием был генерал-губернатор Восточной Сибири А. С. Сулима. Он принимал участие в сражениях под Аустерлицем, Витебском, Смоленском, Бородино, Тарутино, Кенигсбергом, Дрезденом, Лейпцигом, был дважды ранен. За участие в войне с Наполеоном Н. С. Сулима был отмечен многими наградами, в том числе орденом Св. Георгия 3-й степени и золотой шпагой с надписью «За храбрость». Не случайно портрет Сулимы помещен в портретную галерею героев войны 1812 г. в Эрмитаже.

В военных действиях участвовали и многие другие сибирские генерал-губернаторы: С. М. Броневский сражался в 1804–1805 гг. на Кавказе, штурмовал крепости Дербент и Баку; В. Я. Руперт участвовал в Русско-турецкой войне 1811–1812 гг. и заграничных походах русской армии 1813 г. Как видим, генерал-губернаторы Сибири первой половины XIX в. не на словах, а на деле были боевыми генералами. Своим выдвижением на один из самых высоких постов в губернской администрации они были обязаны репутации, приобретенной в годы войны с наполеоновской Францией. Можно утверждать, что именно армия служила источником формирования генерал-губернаторского корпуса как составной части государственного строя России. Однако никто из генерал-губернаторов до назначения в Сибирь не был с нею знаком, не имел серьезного опыта административно-хозяйственной и управленческой деятельности. Министры внутренних дел и финансов по мере возможности пытались оказывать влияние на выбор кандидата императором. Тем не менее назначение генералов на генерал-губернаторские должности продолжалось и во второй половине XIX в. Так, например, Н. Н. Муравьев был тульским военным и гражданским губернатором; сменивший его М. С. Корсаков до назначения генерал-губернатором в 1861 г. 13 лет прослужил в Сибири, участвовал в знаменитых амурских сплавах, а с 1855 г. был губернатором Забайкальской области; Д. Г. Анучин с 1865 по 1879 г. служил родомским, П. И. Кутайсов с 1873 по 1880 г. был нижегородским губернатором; А. Н. Селиванов познакомился с Сибирью во время службы начальником штаба Приамурского военного округа в 1899–1901 гг.

Наряду с вышеперечисленными, следует отметить еще одно требование, которому, по мнению правительства, должны были отвечать генерал-губернаторы Азиатской России – это наличие опыта, пусть даже небольшого, дипломатической деятельности. Оно логически вытекало из сопредельного положения сибирских областей и губерний, активной внешней политики России на дальневосточных и среднеазиатских рубежах – с одной стороны, и невозможностью детально контролировать и направлять этот процесс из Петербурга – с другой.

По своему сословному происхождению все сибирские генерал-губернаторы рассматриваемого почти 100-летнего периода были дворянами, причем четверо из них принадлежали к княжеским (Горчаков), графским (Игнатьев, Кутайсов) и баронским (Фредерикс) родам, а пятый – Н. Н. Муравьев-Амурский – получил титул графа за службу в Сибири. Таким образом, удельный вес титулованной аристократии среди сибирских генерал-губернаторов был достаточно высок и составлял около 23 %. Однако с двором были связаны немногие. Лишь Фредерикс и Муравьев имели свитское звание генерал-адъютанта, а Князев – придворное звание камергера. В остальных генерал-губернаторствах Азиатской России наблюдается примерно такая же картина. В Степных областях и Туркестане владельцев титула среди генерал-губернаторов не было совсем.

Подавляющее большинство генерал-губернаторов получило военное образование. Как правило, они заканчивали кадетские корпуса, реже специальные (артиллерийские, кавалерийские) училища, четыре человека – Вельяминов, Муравьев, Дюгамель, Игнатьев – были выпускниками привилегированного Пажеского корпуса, трое – Лавинский, Сулима, Горчаков – получили домашнее образование. Национальный состав генерал-губернаторского корпуса не может быть проиллюстрирован, так как формулярные списки не содержат соответствующей графы. Сведения о вероисповедании не могут в данном случае выступать в качестве критерия, поскольку они отнюдь не иллюстрируют связь между национальным происхождением и религиозными убеждениями. Большинство генерал-губернаторов исповедовали православие. Другие конфессии представлены лишь отдельными личностями. Базируясь на административном ресурсе, Иркутск в эпоху империи превратился в центр административной и политической жизни Сибири.

Список литературы

1. Бакаревич М. Н. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1810. 361 с.
2. Брикнер А. Г. История Екатерины второй. М. : СВАРОГ и К., 1998. 632 с
3. Иркутск в панораме веков. Очерки истории города. Иркутск : Вост.-Сиб. издат. компания, 2002. 510 с.
4. Чехов А. П. Собрание сочинений. Т. 11. Письма. М., 1956. 711 с.

References

1. Bakarevich M.N. *Statisticheskoe obozrenie Sibiri* [Statistical review of Siberia]. St. Petersburg, 1810, 361 p. (in Russian)
2. Brikner A.G. *Istoriya Ekateriny vtoroj* [The story of Catherine the Second]. Moscow, SVAROG i K. Publ., 1998, 632 p. (in Russian)
3. *Irkutsk v panorame vekov. Ocherki istorii goroda* [Irkutsk in the Panorama of Centuries. Essays on the History of the City]. Irkutsk, East Sib. published company, 2002, 510 p. (in Russian)
4. Chekhov A.P. *Sobr. Sochineniy*. T. 11. *Pisma* [Collected Works. Vol. 1. Letters]. Moscow, 1956, 711 p. (in Russian)

Сведения об авторе

Дамешек Лев Михайлович
доктор исторических наук, профессор,
директор Научно-исследовательского
центра отечественной истории
Байкальский государственный университет
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск,
ул. Ленина, 11
e-mail: levdameshkek@gmail.com

Information about the author

Dameshek Lev Mikhailovich
Doctor of Sciences (History), Professor,
Director of the Research Center for Russian
History
Baikal State University
11, Lenin st., Irkutsk, 664003, Russian
Federation
e-mail: levdameshkek@gmail.com